

II. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Информация для цитирования:

Голубцов В. Г. Реформа обязательственного права: теоретический и практический эффект состоявшихся изменений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 41. С. 396–419. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-396-419.

Golubtsov V. G. *Reforma obyazatel'stvennogo prava: teoreticheskiy i prakticheskiy effekt sostoyavshikhsya izmeneniy* [Reform of the Law of Obligations: Theoretical and Practical Effect of the Changes Introduced]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2018. Issue 41. Pp. 396–419. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-396-419.

УДК 343

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-396-419

РЕФОРМА ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ СОСТОЯВШИХСЯ ИЗМЕНЕНИЙ

В. Г. Голубцов

Доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0003-3505-2348

ResearcherID: H-4690-2015

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.13.pl.14010

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.8.11538

DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13176

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-175-184

DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-474-483

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-40-158-166

E-mail: predprim.pravo@gmail.com

Поступила в редакцию 09.03.2018

Введение: проблема актуализации научных знаний об обязательствах сопряжена со сложной и весьма кропотливой работой по постижению сути законодательных изменений с целью оценки удовлетворительности состоявшихся законотворческих решений. Предметом авторского внимания стали вопросы о соотношении общих и специальных норм в подотрасли обязательственного права, о таком специфическом способе исполнения обязательств, как принятие долга. Автор обращается также к терминологическим проблемам подотрасли, исследуя законодательное оформление таких нормативных конструкций, как проценты по денежному обязательству и о праве кредитора потребовать по суду исполнения обязательств в натуре (астрент). Анализируя изменения и дополнения в системе обязательств, автор затрагивает проблему субсидиарных обязательств регулятивного свойства и вопросы исполнения обязательства третьим лицом. Задачей предпринятого исследования является привлечение внимания цивилистики к неисследованным, малоисследованным или просто пока еще не замеченным доктриной проблемам теории обязательственного права. **Цель:** на основе базовых постулатов об обязательствах точно обратиться к отдельным проблемам обязательственного права в его пореформенный период. По мнению автора, детальный анализ отдельных новелл и

реформированных институтов поможет внести ясность в замыслы законодателя и итоги проведенной реформы обязательственного права. **Методы:** методологическую основу статьи составил общенаучный (диалектический) метод познания обязательственного права и его норм. Использовались также частнонаучные методы познания: формально-юридический, логический, системный подходы. **Результаты:** относительные правоотношения неоднородны и имеют собственную, пока не изученную современной цивилистикой систему. Обязательства – часть этой системы. Иными ее частями являются корпоративные, реституционные, секундарные отношения. Учет этого подразделения выступает методологическим ориентиром для научных суждений, относящихся к соответствующим фрагментам общей тематики обязательств. Правильное позиционирование обязательств в системе всех относительных отношений является одной из необходимых посылок для суждений о соотношении общих и специальных норм в обязательственном праве. Автор квалифицирует его как замещающее с приоритетом специальных норм, чей ресурс является первичным. Лишь после исчерпания этого ресурса и обнаружившейся нехватки специальных норм применяются общие нормы об обязательствах, расположенные в гл. 21–26 ГК РФ. Обращаясь к проблеме использования термина «обязательство» в финансово-правовой науке и бюджетном законодательстве, автор привлекает аргументы представителей терминологической науки (терминоведения), делая вывод о том, что нет оснований рассуждать о межотраслевой миграции, заимствовании и ретерминологизации. «Обязательство» – это общеупотребительный термин. Для гражданского права собственно значимым является термин «гражданско-правовое обязательство», за которым стоит соответствующее правовое явление и отраслевое понятие. Для финансово-правовой науки таковым является финансовое (налоговое, бюджетное) обязательство. Автором также сформулировано предложение о возможности и допустимости использования в гражданском праве такого научного понятия, как «регулятивное субсидиарное обязательство». Исследуя проблему исполнения обязательства не лично должником, а третьим лицом, автор утверждает, что вопрос о возложении исполнения обязательства на третье лицо относится к сфере взаимоотношений между третьим лицом и должником и не затрагивает интересы кредитора. А потому положения о возложении должником исполнения обязательства на третье лицо следует исключить из пункта 1 статьи 31 ГК РФ.

Ключевые слова: общие нормы и нормы специальные, заимствование и ретерминологизация; исполнение обязательства внесением долга в депозит; оборот исполнения; регулятивное субсидиарное обязательство; возложение

REFORM OF THE LAW OF OBLIGATIONS: THEORETICAL AND PRACTICAL EFFECT OF THE CHANGES INTRODUCED

V. G. Golubtsov

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0003-3505-2348

ResearcherID: H-4690-2015

Articles in DB “Scopus” / “Web of Science”:

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.13.pl.14010

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.8.11538

DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13176

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-175-184

DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-474-483

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-40-158-166

E-mail: predprim.pravo@gmail.com

Received 09.03.2018

Introduction: dealing with scientific knowledge about obligations involves complicated and diligent work on comprehending the essence of the legislative changes, which is necessary to evaluate the sufficiency of the legislative decisions. The subject of the author's attention are the relation between the general and special norms of the law of obligations and such a specific method of obligation fulfilment as taking over the debt. The author also addresses terminological issues of the branch of law in question by researching the legislative enshrinement of such normative constructions as the interest on the financial obligation and the right of the creditor to claim in court for the in-kind fulfilment of the obligation (*astreinte*). Analyzing changes and amendments in the system of obligations, the author touches upon the problems of fulfilling subsidiary obligations of regulatory nature and fulfilment of obligations by a third party. The task of the present research is to focus the attention of civil law scholars on the problems of the obligation law theory that are unresearched, little-researched or simply have not yet been noticed by the doctrine. **Purpose:** based on the backbone postulates on obligations, to targetedly address the certain issues of the law of obligations in its post-reform period. In the author's opinion, a detailed analysis of specific innovations and reformed institutions can help to clarify the intentions of the legislator and the results of the introduced reform of the law of obligations. **Methods:** the methodological basis of the research is the general scientific (dialectical) method of cognition of the obligation law and its norms. Specific scientific methods (formal-juridical, logical, systematic approaches) were also used. **Results:** relative legal relations are heterogeneous and have their own system, which has not yet been studied by modern civil law science. Obligations are a part of this system. Its other parts are the corporate, restitutionary and secundarious relations. This classification is a methodological reference point for scientific judgements concerning the corresponding fragments of the general subject matter of obligations. The correct positioning of obligations in the system of all the relative relations is one of the necessary fundamentals for judgements about the correlation between general and special norms in the law of obligations. The author qualifies it as the substitutional one with the priority of special norms, which are a primary resource. And only after this resource is exhausted and after the lack of special norms is discovered, general norms on obligations are applied, those included into Chapters 21–26 of the Civil Code of the Russian Federation. As for the problem of using the term "obligation" in the financial law science and budget legislation, the author invokes the arguments of the representatives of terminological science (terminology studies) and comes to a conclusion that there are no grounds to speak about the inter-branch migration, borrowing and re-terminologization. "Obligation" is a universally used term. For civil law, the relevant term is "civil law obligation", which implies the corresponding legal phenomenon and branch-specific notion. For finance law, it is "financial (tax, budget) obligation". The author has also formulated a proposal to possibly use such a scientific notion as "regulatory subsidiary obligation". Having researched the problem of the fulfilment of the obligation not personally by the debtor but by a third party, the author claims that the problem of entrusting a third party with a duty to perform the obligation falls within the sphere of relations between the third party and the debtor and does not affect the interests of the creditor. Thus, the provisions on imposing the fulfilment of the obligation on the third party by a debtor should be excluded from Item 1 of Article 31 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: general and special norms; borrowing and re-terminologization; fulfilment of the obligation by depositing the debt; fulfilment turnover; regulative subsidiary obligation; imposition

Введение

Для характеристики обязательственного права в качестве основополагающей, базовой подотрасли гражданского права на современном этапе в специальной и учебной литературе используется немало в том числе ярких литературных образов, таких как: «кровь и плоть гражданского права» (Е. А. Суханов), его «кровеносная система» (Н. Д. Егоров), «квинтэссенция основных принципов гражданского права» (В. А. Белов). Подчеркивая с помощью подобных приемов роль и место норм об обязательствах в регулировании имущественных отношений и ценностную, системообразующую роль обязательственного права для всего гражданского права, современные цивилисты обоснованно озабочены тем, чтобы знания об обязательствах оказались прочными и непоколебимыми, а законотворческие решения однозначными, поскольку в дальнейшем потребуются сложная и весьма кропотливая работа непосредственно с законодательными текстами. При этом если тексты принятых законов – результат запланированных и весьма масштабных реформ, учитывающих не только внутренние, но и внешние факторы, то задача их восприятия значительно усложняется. Решить ее с помощью комментариев действующего законодательства оказывается уже не всегда возможно. Необходимо погружение в научную составляющую гражданского права, что позволит уяснить замыслы законодателя и воплощенные в обновленной или вновь появившейся норме идеи. Подобное исследование имеет и другую цель, заключающуюся в том, чтобы привлечь научное внимание к неисследованным, малоисследованным или просто пока не замеченным доктриной проблемам, обнаружившимся после 1 июня 2015 г. с вступлением в силу обширных изменений норм ГК РФ об обязательствах, предусмотренных Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»¹.

Настоящая статья не имеет целью систематического анализа отдельных институтов обязательственного права в их законодательной последовательности. Мы сосредоточим свое внимание на исследованных не в полной мере, а также спорных вопросах обязательственного права, порожденных состоявшейся законотворческой работой. И поскольку исследование этих вопросов в настоящей статье носит не сплошной характер, в том числе и потому, что отдель-

ные проблемы обязательственного права уже были предметом авторского внимания [8; 9], а фрагментарный, то мы обязаны обозначить те подходы, которые для суждений, излагаемых в настоящей статье будут выполнять роль методологического ориентира.

Суждения автора опираются на три признака, позволяющих отличить обязательственное отношение от других видов относительных правоотношений: право одного лица требовать совершения в свою пользу действия; определенность требуемого действия; положительный характер действия, корреспондирующего кредиторскому интересу. Аналогичные признаки обязательственных отношений являются определяющими и в немецкой правовой доктрине [30, s. 10] и законодательстве, что послужило основой для русского, а затем российского законодателя в уяснении явления, относящегося по немецкому праву к праву требования кредитора [34].

Экономически обоснованный интерес кредитора всегда находится в зоне риска. И потому всякое обязательство всегда направлено в будущее. Этот интерес по правилам об обязательствах может быть удовлетворен только за счет чужих действий, носителем которых выступает строго определенное лицо – должник. В условиях гуманизации права кредитор может и должен верить в то, что должник обязательство исполнит, при этом действительное исполнение зависит от добросовестности / недобросовестности его должника. Поэтому законодатель нередко «принимает сторону кредитора», устанавливая несимметричные правила для сторон обязательства. Этой идеей наполнено немало норм ГК РФ. В их числе набор норм, направленных на достаточно жесткую для гражданского права регламентацию действий обязанного лица, о презумпции процентного характера денежных обязательств (ст. 317.1 ГК РФ) и т. п. Из этой же области расширение средств укрепления кредиторских прав в виде перечня поименованных способов обеспечения обязательств, включающего как вещное (залог), так и личное (поручительство и др.) обеспечение, а также возможность согласования непоименованных способов обеспечения. Учитывая то, что ценность обязательства в его исполнении, законодатель предусмотрел неизвестные ранее правила о межкредиторском соглашении (ст. 309.1 ГК РФ), об иждивении должника (ст. 309.2 ГК РФ), о сроках исполнения обязательства в случае если сроки исполнения обязательства оказались не установленными (ст. 314 ГК РФ), о порядке погашения требований по однородным обязательствам (ст. 319.1 ГК РФ), о потестативных усло-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10, ст. 1412.

виях обязательства и его встречном исполнении (ст. 327.1 ГК РФ). Применительно к ответственности за нарушение обязательств в нормах ГК РФ впервые установлена презумпция возмещения должником кредитором убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, независимо от использования кредитором иных способов защиты нарушенных прав (подп. 2 п. 1. ст. 393 ГК РФ).

В стремлении сбалансировать имущественные интересы кредитора и должника законодатель направляет контрагентов по пути сотрудничества и взаимной добросовестности (п. 3 ст. 307 ГК РФ), что можно также расценивать как законодательную поддержку кредитора.

Относительные правоотношения неоднородны и имеют собственную систему, пока не до конца изученную современной цивилистикой. Обязательства – часть этой системы. Иными ее частями являются корпоративные, реституционные, секундарные отношения. Мы будем исходить также из позиционирования обязательственных правоотношений в качестве одной из разновидностей относительных правоотношений, что составляет еще один методологический ориентир для настоящей статьи.

Об общих и специальных нормах в регулировании обязательственных правоотношений

Немалая доля состоявшихся изменений пришлось на нормы подраздела I «Общие положения об обязательствах» раздела III ГК РФ. Необходимость данного подраздела предопределена наличием различных разновидностей обязательств в зависимости от оснований их возникновения. Но если отношения поименованы как обязательственные, то все их объединяет одна общая черта в виде сущностного характера возникшего правоотношения. Отсюда берет свое начало догма о подразделении всех норм обязательственного права на общие и специальные. При этом правила о соотношении норм общих и специальных применительно к договорным обязательствам и обязательствам внедоговорным имеют хоть и не самые большие, но различия.

Исторический масштаб эволюции норм общих положений об обязательствах не слишком велик. Будучи связанным непосредственно с кодификационными работами, этот процесс в своем начале весьма мало опирался на научную мысль, а потому в равной мере был как стихийным, так и необходимым. Стихийность процессу сообщалась слишком малым числом научных произведений, которые бы способствовали составителям проекта Гражданского уложения

Российской империи (в ред. 1899 г.) в их формулировании. Одной из очень немногих работ того времени была докторская диссертация 1872 г. профессора варшавского университета В. И. Голевинского «О происхождении и делении обязательств», в которой систематически была изложена общая часть обязательственного права. Как отмечал автор, «построение правильной теории обязательств составляет одну из самых важных задач науки и один их самых важных жизненных вопросов для всякого развивающегося законодательства». Однако, по свидетельству Г. Ф. Шершеневича, в то время «в практическом отношении этот труд оценен не был» [29, с. 87].

Необходимость же предопределялась разнообразием обязательств и значительным числом норм о них. Как подчеркивал в период разработки проекта М. М. Винавер, правильной логической схемой распределения законодательного материала может быть лишь та, в которой есть правила, «общие всем обязательствам, выделенные особо» [7, с. 174]. Ученый именовал общие положения об обязательствах «лестницей правил по степени убывающей общности (обязательства, договор, данный договор)» и обращал внимание на ведущие признаки этой группы норм, указывая в их числе космополитизм и универсальность [7, с. 165]. Правда, итог проведенной работы по созданию общих положений об обязательствах разочаровал М. М. Винавера, весьма критично отнесшегося к той совокупности норм, что были заключены в проект. Автор констатировал, что «в X томе общая часть обязательственного права, собственно, отсутствует. Ибо нельзя окрещивать этим внушительным именем два десятка статей, согнанных со всего света, дурно переведенных, изрезанных и искалеченных» [7, с. 163].

Нельзя не отметить тот удивительный факт, что, при всем масштабном внимании последующей цивилистики к обязательственному праву и его проблематике, проблеме построения и систематизации общих положений обязательственного права было уделено критически мало внимания.

В первом акте состоявшийся гражданско-правовой кодификации ГК РСФСР 1922 г. сохранилось фактически две общие части обязательственного права: 5.1. Общие положения (ст. 106–129) и 5.2. Положения об обязательствах, возникающих из договоров (ст. 130–151). Как указывал О. С. Иоффе, необоснованность такой классификации бросается в глаза уже при первом ознакомлении с нею: поскольку обязательства возникают не только из договоров, нельзя считать оправданным возведение дого-

вно-правовых норм в ранг общих правил обязательственного права в целом [14, с. 10].

Наиболее удачным с точки зрения систематизации норм об обязательствах оказался ГК РСФСР 1964 г., чья внутренняя согласованность норм явилась его значительным технико-юридическим достижением. В этом Кодексе вместо двух Общих частей были сконструированы Общие положения для всего обязательственного права с использованием группировки по главам, чего в ГК РСФСР не было. В Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г.¹ содержалась отдельная глава – «Общие положения об обязательствах», которая, кроме одной статьи о понятии обязательства, фактически вся была посвящена гражданско-правовому договору. При принятии ГК РФ 1994 г. этот опыт построения общих положений обязательственного права использован не был. Структура современного подраздела Общих положений об обязательствах, а также наименование входящих в него глав полностью повторяют названия глав ГК РСФСР 1964 г. По аналогии с этим актом догматика об обязательствах в действующем ГК РФ включает шесть самостоятельных глав:

1. Понятие обязательства (гл. 21).
2. Исполнение обязательств (гл. 22).
3. Обеспечение исполнения обязательств (гл. 23).
4. Перемена лиц в обязательстве (гл. 24).
5. Ответственности за нарушение обязательств (гл. 25).
6. Прекращение обязательств (гл. 26).

В новой ст. 307.1 ГК РФ систематизированы три группы обязательств – договорные, из причинения вреда и обязательства из неосновательного обогащения на предмет соотношения норм о них с Общими положениями об обязательствах.

Согласно п. 1 ст. 307.1 ГК РФ, к договорным обязательствам общие положения об обязательствах применяются, если иное не установлено правилами об отдельных видах договоров нормами ГК РФ и нормами иных федеральных законов. Особой новизны в этом правиле нет, поскольку используется известный прием, при котором приоритет отдается не общим нормам, а нормам специального законодательства. Но несомненным достоинством этого правила, как и следующих, включенных в содержание ст. 307.1 ГК РФ, является их легальность. Подобный прием не только напоминает о логике пандектной системы, лежащей в основе россий-

ского законодательства, но и несет понимание того, что правила и конструкции, относящиеся к Общим положениям, несмотря на их точность и максимальную универсальность, тем не менее не имеют приоритета перед специальными нормами об обязательствах.

Нормы о договорных обязательствах представлены в ГК РФ тремя уровнями правового регулирования: 1) общие положения об обязательствах (гл. 21–26); 2) общие положения о договоре (гл. 27–29); 3) правила об отдельных видах договорных обязательств (гл. 30–58). Наличная разноуровневость норм о договорных обязательствах и умозрительность правила о приоритете одних норм из этой линейки над другими – слишком плохой ориентир как для субъектов правоприменения, так и для правоприменителя. Для того чтобы понимать, какие в итоге нормы имеют приоритет в регулировании договорных обязательств, а какие лишь субсидиарны, требовались значительные усилия.

Современные правила достаточно логичны и прозрачны. Их суть проста: если речь идет об отдельном обязательстве, то, в условиях многоуровневого регулирования обязательств и их разновидностей поиск необходимой нормы идет по траектории: от нормы специальной к норме общей. Такова теоретическая формула, на которой основано правило п. 1 ст. 307.1 ГК РФ применительно к договорным обязательствам. На практике это означает, что в регулировании конкретного обязательства первичным является ресурс специальных норм, содержащихся в соответствующей главе ГК РФ о данном обязательстве и (если таковые имеются) в нормах специальных законов. Лишь после исчерпания этого ресурса и обнаружившейся нехватки специальных норм применяются общие нормы об обязательствах, расположенные в гл. 21–26 ГК РФ.

В состав специальных норм, которыми могут вытесняться правила общих положений об обязательствах, входят так называемые специальные законы. В п. 1 ст. 307.1 ГК РФ они именованы как «иные законы». Как отмечает автор одного из комментариев к Гражданскому кодексу РФ, «в этой части положения п. 1 ст. 307.1 ГК РФ явились ответом на дискуссию об иерархии нормативных правовых актов» [10]. В итоге законодатель взял за основу позиции высших судебных инстанций, где неоднократно высказывались сомнения о допустимости определения иерархии законов в самом законе, и подчинился нормам Конституции РФ, согласно которой федеральные законы не имеют иерархии.

Известно, что разделение норм на общие и специальные проводится в зависимости от их назначения. Общие нормы предназначены для

¹ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 26, ст. 733.

всех субъектов, поскольку в них закреплены правила поведения без учета каких-либо особенностей экономической и иной деятельности. Специальные нормы отражают особенности правового регулирования в отдельных областях. Практическое же значение такого деления норм заключается в том, что специальным нормам в процессе правоприменения отдается предпочтение перед общими. Нормы общие применяются лишь тогда, когда соответствующее отношение не урегулировано либо не в полной мере урегулировано в нормах специальных. Между общими и специальными нормами существует неразрывная связь: специальное законодательство базируется на общем законодательстве, оно зависимо от него, так как использует конструкции и категории общих норм.

Как отмечает С. А. Еременко, общая или простая норма гражданского права – это гражданский закон, предусматривающий гражданско-правовое последствие, которое наступает в силу наличия такого основания гражданских прав и обязанностей, которое определяет общее для всех субъектов (объектов) гражданских прав условие правомерной реализации данного последствия, влияющее на квалификацию данного конкретного гражданского отношения. Специальная норма предусматривает гражданско-правовое последствие, которое наступает в силу наличия такого основания гражданских прав и обязанностей, которое определяет особое (исключительное) для субъектов (объектов) гражданских прав условие правомерной реализации данного последствия, влияющее на квалификацию данного конкретного гражданского отношения [11, с. 112].

Итоговый вывод об общем или специальном характере основывается на том закономерном следствии, которое возможно вывести не только из характера нормы, но и места расположения норм.

Понимание соотношения норм общих и норм специальных, конечно, не способно абсолютно уберечь от потенциальных субординационных коллизий при применении норм обязательственного права. В усложняющемся гражданском законодательстве поводов для этого хватает. В их числе разные формы концентрации общих и специальных норм в нормативном материале: Общие положения кодекса и Общие положения раздела, специальные параграфы и специальные законы. Поэтому потенциально возможны три вида конкуренции гражданско-правовых норм, регулирующих обязательственные отношения: между общими нормами; между общей и специальной нормами; между специальными нормами. Да и ст. 3 ГК РФ о зако-

нах, «принятых в соответствии с ГК РФ», которые предполагаются только как специальные, продолжает действовать в имеющейся редакции. А значит, всякий закон, принятый не «в соответствии с ГК РФ», должен будет сначала проверяться на соответствие ГК РФ и лишь затем может быть применен для регулирования отношений в формате «общий-специальный».

Однако представляется, что проблема соотношения специальных норм об обязательствах и норм общих имеет место не только в описанных случаях. Она состоит еще и в том, как воспринимать факты возникновения противоречий в случае столкновения норм общих и норм специальных: как процесс негативный или как обычный процесс правореализации и правоприменения, но отягощенный при этом необходимостью преодоления возникшего противоречия из-за наличия в базе регулирования норм общих и специальных. На наш взгляд, в литературе вполне обоснованно предлагается отличать противоречия от коллизии.

Признавая обоснованность порядка соотношения общих и специальных норм об обязательствах, установленного п. 3 ст. 307.1 ГК РФ, авторы комментария к ГК РФ выражают опасение, что «его применение снижает значение основополагающих требований к исполнению обязательства (ст. 307, 309 ГК), поскольку буквальное толкование положений комментируемой статьи приводит к выводу, что специальным законом может быть отменено требование учета прав и законных интересов друг друга, добросовестности при исполнении обязательства, взаимного содействия и др.» [10]. По их мнению, такое понимание не соответствует целям и смыслу правового регулирования. В этой части можно возразить с помощью одного аргумента. Его суть состоит в том, что все нормы об обязательствах, как общие, так и специальные, неформально связаны с нормами раздела I ГК РФ. Общие положения, а значит, и нормы об обязательствах связаны с общими правилами о реализации гражданских прав (ст. 1, 9, 10 ГК РФ), которые ни при каких условиях не могут быть отменены или изменены.

В нормах Общих положений об обязательствах долгое время отсутствовало разграничение между договорными и внедоговорными (деликтными, кондикционными) обязательствами и не были определены особенности их правового регулирования. На это «общее упущение и необходимость его исправить в целом» обращал внимание еще М. М. Винавер при разработке проекта Гражданского уложения 1899 г. В настоящее время установлено соотношение Общих положений об обязательствах с правилами

об отдельных видах внедоговорных обязательств. Как установлено п. 2 ст. 307.1 ГК РФ, «к обязательствам вследствие причинения вреда и к обязательствам вследствие неосновательного обогащения общие положения об обязательствах применяются, если иное не предусмотрено соответствующими правилами глав 59 и 60 и не вытекает из существа соответствующих отношений». Однако порядок применения общих положений об обязательствах для целей регулирования обязательств внедоговорных несколько иной. Здесь также специальные нормы (гл. 59, 60 ГК РФ) приоритетны по отношению к общим положениям. Но специфика обязательств из причинения вреда и обязательств из неосновательного обогащения предусматривает возможность и иного регулирования. Поэтому по отношению к этим видам обязательств закреплена необходимость учета также и их существа с установлением приоритета существа внедоговорных отношений над буквальным текстом общих положений об обязательствах. Тем самым в законодательстве появилась еще одна оценочная категория – существо внедоговорного обязательства, развить и конкретизировать которую на законодательном уровне, как представляется, невозможно, вследствие чего это становится задачей правоприменителя.

Изменение предметных характеристик всего гражданского права за счет вычленения в сфере его регулирования корпоративных отношений следует также скоординировать с нормами обязательственного права. Это необходимо было сделать для того, чтобы провести необходимое разграничение корпоративных и обязательственных отношений, которое в итоге и состоялось. С принятием п. 3 ст. 307.1 ГК РФ был устранен назревший недостаток действовавших норм об обязательствах, определявших понятие «обязательство», однако не позволявших отграничить обязательство от иных категорий сходных гражданских правоотношений, прежде всего корпоративных. Проблема разграничения была решена за счет дополнения ГК РФ нормой о возможности применения общих положений об обязательствах к другим определенным гражданским правоотношениям (реституционным, корпоративным), если иное не установлено ГК РФ и иными федеральными законами и не вытекает из существа соответствующих гражданских правоотношений.

Как установлено в п. 3 ст. 307.1 ГК РФ, общие положения об обязательствах применяются к отношениям, не являющимся обязательственными. Речь идет об отношениях корпоративных и реституционных, не имеющих достаточной для акта кодификации системной регуляции.

Установление в ГК РФ нормы о том, что к требованиям, возникшим из корпоративных отношений (гл. 4), применяются общие положения об обязательствах, поскольку иное не установлено ГК РФ, иными законами или не вытекает из существа соответствующих отношений (подп. 1 п. 3 ст. 307.1 ГК РФ), завершило правовое регулирование корпоративных отношений. Названная правовая норма вслед за ч. 1 п. 1 ст. 2 ГК РФ закрепила самостоятельность корпоративных отношений и отделила их от отношений обязательственных и реституционных. Нормы корпоративного законодательства и нормы о реституции являются специальными, а потому имеют преимущество перед общим законодательством. Таким образом, законодатель допустил распространение общих норм обязательственного права на другие виды относительных отношений, при условии, что специальных норм в законодательстве о реституции и корпоративном законодательстве нет или недостаточно для их регулирования.

Терминологические проблемы обязательственного права

Терминологические погрешности в той или иной мере сопровождают любую законодательную область. Причины этого многообразны. Одна из них – в наличии ситуаций, обнаруживающих недостаток доктринальной базы относительно того или иного явления, претендующего на статус правового, в виде фактической неспособности науки предложить законодателю теоретически проработанные варианты предполагаемой юридической конструкции. В этом случае законодателю ничего не остается, как начинать действовать самостоятельно, без учета доктринальных разработок. Конечно, неизбежно обращение к опыту современных европейских соседей. Привычка использовать западный опыт, как показывают наблюдения, характерна для российского правотворчества современного периода, и именуется это заимствование очень часто «унификацией российского и европейского права». Не было бы оснований критиковать подобный алгоритм подготовки будущих законодательных конструкций, если бы, думая об унификации, законодатель не шел по пути простого заимствования. Как, отчасти справедливо замечено в литературе, «заимствование уже готовых институтов и конструкций – тех, что сформулированы учеными на материалах иных законодательств, – это тот максимум, на который хватает фантазии нашего законодателя» [2, с. 13].

Интернациональным характером правового языка не всегда можно оправдать низкую и далеко не однозначную для науки и практики эф-

фактивность состоявшихся заимствований. Юристы бросаются толковать и систематизировать проделанную законодателем работу, «решая», как на самом деле должны были (бы) выглядеть тот или иной институт или конструкция. Доктрина же, пытаясь уяснить сущность заимствованной конструкции, вынуждена оперировать иноязычными терминами, которые в силу частоты их употребления незаметно начинают приниматься за законодательно закрепленные. Сложность последствий находит свое продолжение в том, что доктрину, а порой и законодателя, невозможно понять без вторичных (интерпретационных) текстов, которые содержатся в специальных словарях иноязычных терминов, изготовленных для таких вот специальных юридических целей [6].

Любая полноценно развивающаяся научная область нуждается в притоке новых научных понятий. Однако вряд ли правомерно делать ставку только на иноязычный ресурс. В-первых, процесс вовлечения иностранной терминологии должен быть управляемым и, по возможности, регулируемым. Во-вторых, как и римская лексика, заимствование не должно рассматриваться в качестве единственного источника для развития терминологического ресурса гражданского права. В отличие от других отраслей права, он уже во многом имеет «иностранное лицо», на что обращалось внимание еще в дореволюционной цивилистике. Но дореволюционные преувеличения в процессах заимствования вполне можно объяснить объективными причинами, в числе которых бурное развитие немецкого законодательства в XIX в. и направление большей части российских цивилистов для освоения этих достижений в Германию. Найти же адекватное объяснение таким преувеличениям в современных условиях развития цивилистики и законодательства довольно непросто.

В теории права относительно систематически предпринимаются попытки описания правил и обоснованности такого заимствования [5], но в гражданско-правовой науке, наиболее открытой к такому заимствованию в силу исторических причин, привлечение внимания к вопросу во многом носит эпизодический характер с констатацией того факта, что процессы наполнения гражданско-правового пространства иностранной терминологией сегодня носят фактически беспредельный характер. Предметные же труды по данному вопросу в гражданском праве имеют очень единичный характер [4].

Вопросы терминологического свойства применительно к подотрасли обязательственного права в науке гражданского права практически не поднимаются. Свою роль сыграли и про-

должают играть масштабные труды в этой области представителей дореволюционной цивилистики с непоколебимым в своей основе определением обязательства, данным Д. И. Мейером, и цивилистики советской. Сила этого ресурса пока еще способна нейтрализовать всякое несовершенство законодательных терминов, отражающих соответствующие понятия в нормах обязательственного права. А потому проблема терминов в этой подотрасли, в отличие от права вещного, здесь остро не стоит. Но она, тем не менее, существует, что продемонстрировало обновление законодательного блока норм по обязательствам. Как продемонстрировала довольно многочисленная судебная практика, при модификации понятийного аппарата обязательственного права обнаружился ряд терминологических трудностей с одновременным обнажением проблемы недостаточности терминологической базы подотрасли. Актуализировался также и вопрос о последовательности развертывания понятийной системы гражданского законодательства в целом и норм обязательственного права в частности. Последнее можно проследить на примере ст. 317.1 ГК РФ «Проценты по денежному обязательству».

Не ставя под сомнение необходимость данной нормы, обратим внимание на ее терминологию начиная с названия. Семантика (осмысленная нагрузка отдельно взятых слов) терминов, использованных в наименовании статьи, неизбежно выводит всякого пользователя на интуитивное или осознанное восприятие того, что «такое уже где-то было». Далее идет неизбежное и необходимое сопоставление этой нормы со ст. 395 ГК РФ. Тем самым в понимание нормы вводится смысловая коннотация, не в полной мере соответствующая сущностному назначению принятой нормы. Идет процесс изначального ухода в сторону от того законодательного смысла, который заложен в содержание ст. 317.1 ГК РФ, нивелируется та ее трактовка, которую намеревался донести законодатель соответствующим нормам названием и содержанием. Подтверждением того служит тот факт, что фактически каждая из многочисленных научных публикаций, объектами которых избрана эта неизвестная ранее российскому законодательству правовая реальность, начинается с противопоставления этих норм, спровоцированной указанной выше терминологической синонимией. Аналогично себя ведет и судебная практика, взявшая на себя необходимость в каждом акте правоприменения, связанном со ст. 317.1 ГК РФ, «объяснять», что нормы эти имеют разное функциональное действие. На проблему разграничения откликнулся и Пленум Верховного Су-

да РФ, озаботившись в своем Постановлении № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса РФ об обязательствах и их исполнении» вопросами системного разграничения норм, заключенных в ст. 317.1 и 395 ГК РФ. Правда его позиция в большей мере похожа не на толкование, а на растолкование того, что хотел сказать законодатель, вводя в текст ГК РФ ст. 317.1. Как отмечено в Постановлении, при просрочке уплаты суммы основного долга на эту сумму подлежат начислению как проценты, являющиеся платой за пользование денежными средствами (например, проценты, установленные п. 1 ст. 317.1, ст. 809, 823 ГК РФ), так и проценты, являющиеся мерой гражданско-правовой ответственности (например, проценты, установленные статьей 395 ГК РФ. При этом, в соответствии с п. 2 ст. 317.1 ГК РФ, по общему правилу не допускается начисление предусмотренных законом или договором процентов, являющихся платой за пользование денежными средствами, на такие же проценты за предыдущий срок (сложные проценты), за исключением обязательств, возникающих из договоров банковского вклада или из договоров, связанных с осуществлением их сторонами предпринимательской деятельности. Однако, если иное не установлено законом или договором, за просрочку уплаты процентов, являющихся платой за пользование денежными средствами, кредитор вправе требовать уплаты неустойки или процентов, предусмотренных ст. 395 ГК РФ.

Получилось то, что получилось. Для того чтобы понять смысл и назначение одной нормы, необходимо сначала предметно уяснить ее законодательный смысл через ее противопоставление / сопоставление с другой нормой.

И все-таки более правильным был подход продуманного названия нормы, а не последующее напоминание юристу-профессионалу (на которого, как мы привыкли говорить, рассчитан Кодекс), умеющему «читать» ГК РФ и понимающему, что нормы об обязательствах – это еще и институциональный элемент ГК РФ, представленный нормами раздела III и IV, в каждом из которых есть собственное деление на главы, наполненные нормами, различающимися своим регулятивным и охранительным назначением.

Опыт наименования норм в практике гражданского законодательства начал складываться с момента принятия ГК РСФСР 1964 г. – с него началась практика снабжения статей Кодекса заголовками. По мнению цивилистических мэтров, это «облегчает отыскание нужной нормы и содействует ее правильному истолкованию» [14, с. 18]. Нельзя утверждать, что этот

опыт продолжителен во времени, а потому ошибки и неточности в наименовании норм могут встречаться. Настораживает другое. Позиционируя тезис о том, что названия норм составляют часть нормативного текста, никто не задумывается о том, по каким же правилам эти названия норм должны формулироваться. Не будем в этой связи в очередной раз сетовать на отсутствие в нашей стране такого закона, как закон «О нормативных актах», а обратимся к Методическим рекомендациям по юридико-техническому оформлению законопроектов, принятым в 2003 г. В них речь идет только о наименовании законопроектов, упоминания о правилах наименования отдельных норм отсутствуют, что можно посчитать отсутствием этих правил.

Вопрос об оправданности / неоправданности допущенных законодателем смысловых модификаций как и вопрос о корректности восприятия ст. 317.1 ГК РФ пользователями и правоприменителями еще будет сохранять свою остроту, как бы напоминая законодателю и научному сообществу о том, что наименование нормы – вопрос далеко не второстепенный. Мы же зададимся вопросом о том, мог ли законодатель, имея намерение зафиксировать и легализовать столь значимую презумпцию о процентном характере денежного обязательства, сформулировать по-другому название данной нормы, не пересекаясь с семантической нагрузкой терминов и их сочетанием из ст. 395 ГК РФ.

Мог, если бы представители российской цивилистики смогли предложить ему теоретическую конструкцию новой правовой реалии с ее самостоятельным оттенком и собственным правовым весом, в которой были бы заложены необходимые смысловые разграничения с уже имеющимися нормами. В этом случае не помешал бы и экивок в сторону Запада. В Гражданском уложении Германии соответствующая норма (параграф 247), расположенная в части 1 кн. 2 «Обязательственное право» названа «Базисная процентная ставка»¹. Вопрос о разграничении сферы действия этой нормы с нормами об ответственности за нарушение обязательств не стоит. И дело не только в том, что в немецком позитивном праве фактически отсутствует понятие «нарушения обязательства» [33]. Вопрос скорее в понятности терминологического

¹ *Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению [Bürgerliches Gesetzbuch Deutschlands mit Einführungsgesetz] / пер. с нем.; сост., введ. В. Бергманн; науч. ред. Т. Ф. Яковлева; 4-е изд., перераб. М., 2015. Норма принята в целях обеспечения реализации ст. 3 Директивы 2000/35 EG Европейского Парламента и Совета от 29 июня 2000 г. «О мерах по борьбе с задержками платежей в деловом обороте».*

наименования нормы, назначение которой имеет сутобо регулятивную направленность.

В связи со сказанным остается вспомнить актуальные слова В. П. Мозолина о том, что «юридическая наука должна идти впереди закона, а не вслед за ним, как это нередко случается в нашей повседневной жизни. Закон не может быть результатом проведения эксперимента по созданию новых норм права, необходимых обществу, а Федеральное Собрание Российской Федерации – своего рода юридической лабораторией по проведению указанных экспериментов» [19, с. 43].

Отсутствие доктринально-терминологической проработки отдельных конструкций обязательственного права способствует появлению норм искусственного характера. Наиболее наглядным примером таких норм в обязательственном праве служит ст. 308.1 ГК РФ «Защита прав кредитора по обязательству», не без усилий представителей цивилистики, получившая на французский манер название «астрент». Своей неопределенностью и неувязанностью с иными нормами и институтами норма вызвала повышенный интерес со стороны не только цивилистов, но и процессуалистов. Словно в подтверждение той истины, что в существующем виде конструкция астрента в российском законодательстве – это больше забава для науки, нежели в существующем виде забота правоприменителя, написано об астренте, в том числе и зарубежными авторами по поводу «русского астрента» [32]. Прозвучали и признания также со стороны самих разработчиков законопроекта о том, что они «по-видимому, имели в виду предусмотреть в российском законодательстве новый институт, позаимствованный из французского права и известный под названием «астрент», который широко применяется в практике французских судов» [13]. Примеры такого прошлого и весьма успешного заимствования части терминов из французского права России известны, в их числе термины «гарант» и «арбитраж». За давностью заимствования пришло понимание адекватности их юридического значения в обеих странах. Но вот норма об астренте пока «не пришлась». Поселившись вдруг в российском законодательстве со всеми своими темными пятнами, она живет, отвлекая значительные доктринальные ресурсы на ее толкование, критику и указания на откровенное и не в полной мере продуманное заимствование из практики романского законодательства, не до конца соотносимого с российским из-за особенностей своего институционального построения.

Отсутствие самостоятельного научного внимания к вопросам производства новых

гражданско-правовых понятий и терминов, их отражающих, а также к проблемам научной и законодательной номинации опасно созданием ситуации дефицита юридических понятий и появления необоснованных синонимов. Тяжесть эффекта выражается в притуплении ясности гражданско-правового языка и правил пользования им.

Остается лишь сожалеть, что разработчики Концепции развития гражданского законодательства не учли этот пусть и технический, но, бесспорно, актуальный вопрос, имеющий непосредственное отношение к проблемам совершенствования гражданского законодательства. Не стоит забывать простую истину о том, что эффективное исполнение законов в существенной степени зависит от того, насколько грамотно, доступно и объективно сформулирован законодательный текст и в какой мере юридические термины, задействованные в нем, отражают законодательный замысел.

В условиях отдифференцированной правовой системы весьма актуальным является вопрос об однозначности восприятия и истолкования правовой терминологии. От этого, как минимум, зависит точность восприятия соответствующих юридических реалий. При этом речь идет не только об общеправовой терминологии, системно объединяющей термины, так или иначе функционирующие во всех отраслях законодательства, но и терминологии отраслевой. Отличительной чертой последней является то, что она основывается на предметно-логических связях и отношениях соответствующих понятий, отражающих специфику конкретной сферы правовых отношений. В нашем случае терминологии гражданско-правовой.

Развитие современной юриспруденции стали сопровождать терминологические раздоры, связанные с копированием / заимствованием терминов, считавшихся для гражданского права исконно отраслевыми. Так, типологическая несовместимость таких разновидностей правовой реальности, как гражданско-правовая и налоговая, не исключила отраслевую раздвоенность термина «обязательства». Термин получил распространение не только в лексике научного стиля публично-правовой отрасли, но и в законодательстве. В ст. 6 Бюджетного кодекса РФ дано определение бюджетного обязательства как обязательства расходного, подлежащего исполнению в соответствующем финансовом году. Попытки использования термина «обязательство» предпринимались и в проекте Налогового кодекса РФ – один из его первоначальных проектов содержал специальную главу «Налоговое обязательство и его исполнение».

Однако в силу того, что законодатель в итоге пошел по пути концепции налоговой обязанности, в окончательной редакции НК РФ этой главы не оказалось. Как отмечают представители науки финансового права, «принципиальное отличие между концепциями налоговой обязанности и налоговое обязательство заключается в том, что во втором случае государство и налогоплательщики имеют права и обязанности, связанные с реализацией налогоплательщиками обязанности по уплате законно установленных налогов и сборов» [1, с. 3]. Соблюдение чистоты заданной концепции предполагает соблюдение логики понятийно-терминологического ряда, развивающего концепцию налоговой обязанности. Ведь вполне обоснованно считать, что подобная концепция задает и соответствующую ей систему понятий, которые использует законодатель, что является отнюдь не факультативным условием для построения терминологического аппарата любой отрасли.

Но так случилось, что ситуация межотраслевого параллелизма, связанная с термином «обязательство», все-таки возникла, породив некоторые противоречия в отношениях между представителями финансово-правовой науки и цивилистики. Отраслевых аргументов с той и с другой стороны высказано немало, они разные. Логически допустимые границы цитирования не позволяют привести в данной статье все точки зрения по этому вопросу, а потому кратко обозначим ситуацию наличного противостояния по вопросу о том, насколько правомерно представители финансового права используют «инструментарий обязательственного права, созданного для нужд гражданского оборота» [24; 25]. Финансисты открыто упрекают цивилистов в идиосинкразии [26], со ссылкой на утверждение о том, что «многие финансовые отношения, связанные с государственными доходами, протекают в таком правовом режиме, который практически не отличается от правового режима существования гражданских обязательств» [27]. Цивилисты же, используя принципы частного права, а также убедительную историческую, методическую, предметную, а потому во многом универсальную аргументацию, стремятся отстоять отраслевую чистоту термина «обязательства».

Наиболее свежие сведения об этой дискуссии и консолидированном взгляде представителей науки финансового права на правомерность употребления термина «финансовое (налоговое, бюджетное) обязательство можно почерпнуть из диссертации А. С. Барина «Институт налоговых обязательств в налоговом праве Российской Федерации» (2017 г.). Данная диссертация,

с одной стороны, служит наглядным напоминанием того, что отраслевые терминологические системы давно нуждаются в самостоятельном доктринальном внимании. С другой стороны, нельзя не заметить, что научная позиция автора диссертации является неформальным подтверждением того, что дефицит взаимопонимания между представителями финансово-правовой и цивилистической наук может длиться неопределенно долгое время, если не бесконечное.

Во избежание таких последствий и в целях получения объективного ответа на вопрос о том, как квалифицировать подобную ситуацию межотраслевой подвижности столь значимого и во многом определяющего нормативный облик гражданского права термина «обязательство», необходимо привлечь также аргументы представителей терминологической науки (терминоведения). С позиций этой науки факт проникновения в финансово-правовой язык термина «обязательство» еще не подвергался исследованию и анализу.

Терминологическое словообразование, тем более в такой области, как право, процесс далеко не стихийный. А потому для начала надлежит понять, по какому алгоритму понятие «финансовое обязательство» образовано в соответствующей области науки и законодательства. Идет ли речь о таких способах образования термина, как заимствование, простой терминологизации слов общеупотребительного языка, вторичной терминологизации, ретерминологизации, транстерминологизации, или же в условиях неуклонно актуализирующихся утверждений о необходимом межотраслевом взаимодействии мы наблюдаем процессы терминологической миграции. Все эти явления в современном терминоведении нашли свои достаточные описания, опираясь на которые вполне можно достигнуть понимания происходящих процессов.

Если принять за основу утверждение терминоведов о том, что заимствование в его собственном значении – это источник пополнения терминологии, спровоцированный переводом иноязычного термина, то, несмотря на то, что чаще использование термина «обязательство» в финансовом праве воспринимается через заимствование из права гражданского, заимствование в данном случае не предполагается. Исключено также и явление транстерминологизации, под которым понимается перенос термина из одной терминологической системы в другую, сопровождающийся различного рода его семантическими изменениями [22, с. 7].

Для гражданского права категория «обязательство» глубоко сущностная и высокозначимая. Однако необходимо следующее уточнение.

Сущностным понятием для гражданского права является не само понятие «обязательство», а «гражданско-правовое обязательство», за которым стоит соответствующее научное и юридическое явление, выраженное в необходимом правовом понятии. Без прилагательного «гражданско-правовое» обязательство утрачивает свое сугубо специфическое отраслевое значение, становясь больше общеупотребительным словом, нежели специальным термином. Как известно, слово, в отличие от термина, выполняет номинативную или дефинитивную функцию. Логически точно определяют соответствующее понятие только специальные термины. Таким специальным термином является термин «гражданско-правовое обязательство». В финансово-правовой науке используется другой термин – «налоговое (финансовое, бюджетное) обязательство». Поэтому нет оснований рассуждать и о ретерминологизации, представляющей собой процесс переноса готового термина из одной дисциплины в другую с его полным или частичным переосмыслением [3, с. 508; 28].

Если смотреть на ситуацию объективно, то нетрудно увидеть, что за термином «финансовое обязательство» стоит собственное правовое понятие, над которым активно трудятся представители этой науки, стремясь наполнить его собственными правовыми сущностями и информационным содержанием [12]. Используя данный термин, они употребляют его не в абстрактном «общенаучном», а в совершенно конкретном узкоспециальном значении, в приложении к предмету собственной научной и законодательной деятельности, обеспечивая ему в лингвистическом плане собственные системные связи. Ведь известно, что всякий термин имеет смысл в том случае, если он является членом определенной терминологической системы. Как гласит терминологическая наука, в пределах данной системы термин должен иметь свое строго определенное место, в зависимости от места обозначаемого им понятия в системе понятий. Входящие в данную систему термины должны своей мотивированностью отражать объективные связи между соответствующими понятиями. В этом и заключается интеллектуальная чистота термина. Задача ее достижения – это забота не цивилистов, а представителей финансово-правовой науки, уже имеющей определенный научный задел по данному вопросу.

Однако, в поисках и обоснованиях собственных признаков финансового обязательства не следует относить к числу основополагающих, а порой единственных, аргументы о межотраслевом характере термина «обязательства» (А. И. Худяков, Г. М. Бродский), объединяющем

частноправовые и публично-правовые конструкции денежных обязательств (О. В. Омелихина), а также об общей юридической природе гражданско-правового и финансово-правового обязательства (А. Т. Шаукенов). А претендуя на существование финансового обязательства как самостоятельного правового явления, способного быть заключенным в собственную правовую конструкцию, «отключить» в публично-правовых исследованиях, посвященных финансовому обязательству, частноправовой алгоритм, используемый всякий раз где гласно, а где негласно в процессе его научного препарирования.

Проблемы исполнения обязательств внесением долга в депозит

Исполнение обязательства с использованием нотариального депозита в литературе принято именовать «суррогатным» (С. В. Сарбаш), специальным (В. Д. Завидов), вспомогательным (Е. Г. Комиссарова) способом исполнения, подчеркивая неклассический алгоритм его исполнения, что не сказывается на виде правовых последствий. Как установлено п. 2 ст. 327 ГК РФ и отмечено в Постановлении Пленума ВС РФ № 54, «согласно пункту 2 статьи 327 ГК РФ внесение денежной суммы или ценных бумаг в депозит нотариуса или суда считается исполнением обязательства, о чем нотариус или суд, в депозит которого внесены деньги или ценные бумаги, извещает кредитора» (п. 55). Как до реформы, так и сейчас указание на то, что такое исполнение может быть в случаях, «установленных законом», означает сборность законных оснований, которые не ограничены только нормами ГК РФ (ст. 60, п. 6 ст. 720, ст. 738 ГК РФ), но предусмотрены также в иных федеральных законах, в числе которых Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)». Пунктом 5 данного Закона установлено, что внесение долга в депозит является не только правом, но и обязанностью должника), Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (п. 7 ст. 84.8), Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (п. 2 ст. 142, п. 5 ст. 185.6) и др.

Норма имеет свою достаточно простую историю, поскольку как ранее, так и сейчас научное внимание привлекала и привлекает мало. Так, ст. 114 ГК РСФСР 1922 г., предусматривающая право должника на исполнение через депозит, имела следующую нехитрую редакцию: «В случае отсутствия кредитора, уклонения его от принятия исполнения или иной просрочки с его стороны, а также его недееспособности, при отсутствии представителя, уполномоченного и

согласного принять исполнение, должник может внести причитающееся с него в депозит суда, о чем суд извещает кредитора повесткой или публикацией». Примечание к норме гласило, что порядок внесения в депозит суда определяется особым положением. Эта неизбежная и необходимая «раздвоенность» нормы о депозитном исполнении и в дальнейшей истории будет серьезно отражаться на качестве и юридико-технической характеристике последующих чуть более современных норм.

Статья 185 ГК РСФСР 1964 г.¹, регулирующая порядок исполнения не через депозит суда, а через депозит нотариуса, мало отличалась от предыдущей редакции ГК РСФСР. Кроме замены судебного депозита на нотариальный, новшество данной нормы состояло еще и в том, что было императивно установлено правило, согласно которому «внесение денежной суммы или ценных бумаг в депозит нотариальной конторы считается исполнением обязательства». Практически в неизменном виде данная норма перешла в первую редакцию ст. 327 ГК РФ 1994 г. До реформы она выглядела бедной и упрощенной, несла на себе множественные пробелы, будучи не сильно похожей на гражданско-правовую. Правореализационные возможности нормы также были не слишком высокими, а ее правоприменение не отличалось высоким качеством. Во многом сказывались недоработки со стороны нотариального законодательства по вопросам депозитарного исполнения из-за его многочисленных пробелов.

В настоящее время ситуация начинает меняться. Не последнюю роль в этом процессе сыграли изменения, внесенные Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 457-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», значительно усилившие нотариальные перспективы в этом вопросе². Как показывает анализ имеющейся судебной практики, юридический материал для которой поставили многочисленные факты дебиторской задолженности заемщиков, а также ситуации с закрытием сразу нескольких банков, практически обыденным стало то положение, когда суды в мотивировочных частях судебных актов прямо указывают на ст. 327 ГК РФ о праве должника произвести исполнение через depo-

зит. Речь идет о случаях, когда должник при неисполнении, например, кредитного договора ссылается на трудности, связанные с неопределенностью кредитора (при отзыве лицензии у кредитной организации) или его неизвестностью при процедурах банкротства банка.

Сама статья 327 ГК РФ, пожалуй, впервые за всю историю своего существования, обрела серьезные дополнения. Правила данной нормы об исполнении обязательства через депозит распространены на нотариат и суд. Разница лишь в том, что для исполнения через нотариат (при отсутствии соглашения между сторонами) необходим ряд условий (отсутствие кредитора или лица, уполномоченного им принять исполнение, в месте, где обязательство должно быть исполнено; недееспособность кредитора и отсутствие у него представителя; неопределенность того, кто является кредитором по обязательству; уклонение кредитора или иная прострочка с его стороны), а для исполнения через депозит суда, кроме этих же условий, необходимо прямое указание закона.

Существенным новшеством, по сути своей отменяющим второстепенность такого способа исполнения, явилась возможность согласительного порядка исполнения обязательства через нотариальный депозит. Из текста нормы не следует, что аналогичное правило распространяется на судебный депозит. Пунктом 1.1. ст. 327 ГК РФ установлено, что соглашением между кредитором и должником может быть предусмотрена обязанность должника исполнить обязательство по передаче денег или ценных бумаг путем внесения долга в депозит нотариуса. Тем самым начиная с 1 июня 2015 г. реализация права на депозитное исполнение у нотариуса не ограничивается только усмотрением закона. Допущение согласительной модели в этот вид исполнения предполагает, что стороны не только вправе не подчиняться тому перечню случаев, которые допускают по закону исполнение через депозит, но и то, что они вправе согласовать момент внесения имущества в депозит (например, до государственной регистрации переходящего права собственности на недвижимость или после), место внесения имущества в депозит, порядок несения дополнительных расходов в связи с таким способом исполнения обязательств, обязанность должника немедленно уведомить кредитора о том, что обязательство исполнено через депозит. Кредитор и должник могут также исключить своим соглашением действие законодательных правил о праве должника «отозвать» имущество из депозита. Поскольку из п. 3 ст. 327 ГК РФ не следует иное, предполагается, что на данное соглашение

¹ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24, ст. 407.

² Как сформулировано в Концепции проекта Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности», «более широкое использование депозитов нотариуса – это одно из направлений эффективного использования потенциала нотариата для защиты прав и интересов участников гражданского оборота, обеспечения его стабильности и бесконфликтности». URL: <http://www.notiss.ru/usrimg/concept.pdf>.

распространяется в полной мере принцип свободы договора.

Новшеством данной нормы стала возможность исполнения обязательства через депозит не только самим должником, но и за должника третьим лицом с соблюдением правил, установленных ГК РФ для должника (п. 4 ст. 313). Не менее значимой новеллой стала также известность субъекта правообладания имущества, переданного в депозит. Разъяснения по этому вопросу даны в Постановлении Пленума ВС РФ № 54 путем указания на то, что переданные в депозит нотариуса денежные средства и ценные бумаги считаются принадлежащими кредитору с момента получения им указанного имущества из депозита (п. 55). Поскольку нотариусу (или суду) они принадлежать не могут, эти субъекты лишь держатели исполненного, то правообладателем имущества до момента получения его кредитором является должник. Данное положение получило развитие в других нормах, регулирующих этот способ исполнения, в частности о праве должника забрать из депозита исполненное.

Однако ограниченность законодательного внимания в сторону депозитарных отношений все-таки просматривается. Есть и небесспорные моменты. Так, в судебной практике возникают непростые вопросы о порядке обращения взыскания на имущество должника, находящегося в депозите, в порядке исполнительного производства (апелляционное определение Свердловского областного суда от 6 декабря 2016 г. по делу № 33-19759/2016), о сроках исковой давности в случае предъявления должником требований о возврате депонированного имущества (постановление Арбитражного суда Центрального округа от 14 апреля 2016 г. № Ф10-1070/2016 по делу № А35-7328/2015). Весьма небесспорным является вопрос о месте исполнения обязательства внесением долга в депозит, так как при таком способе исполнения обязательства далеко не все вопросы снимаются с помощью статьи 316 ГК РФ «Место исполнения обязательства». Однако самым неоднозначно принятым, в том числе и со стороны нотариального сообщества, оказался вопрос о праве должника обратиться с требованием о возврате исполненного.

Речь не о «задавненных» средствах, размещенных на депозитарном счете, и последующей их судьбе в случаях невостребованности кредитором. Это весьма актуальный, но другой вопрос, связанный с судьбой «невостребованных» средств, который успешно разрешен, например, в Молдове, в законодательстве которой установлены сроки размещения средств на депозите и возможность признавать депозитное имуще-

ство бесхозным. В настоящей статье автор намерен исследовать проблему оснований возврата депозитных средств по требованию должника, если кредитор еще не воспользовался правом истребования из депозита, предназначенного ему в счет исполнения обязательства, имущества.

Как установлено п. 3 ст. 327 ГК РФ, «во всякое время до получения кредитором денег или ценных бумаг из депозита нотариуса или суда должник вправе потребовать возврата ему таких денег или ценных бумаг, а также дохода по ним». Достаточно двух условий: намерение должника и факт неполучения имущества кредитором. Перед нами тот случай, говоря словами И. А. Покровского, когда «норма дана нам, как действующий закон, как *lex lata*, непосредственная необходимость заставляет нас принять ее как нечто данное». Дальнейшее же развитие данного установления покажет практика правоприменения и правоприменения. Последняя в одном из своих актов обобщения уже затронула вопросы правовых последствий отзыва исполненного по желанию должника, указав в своем постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», что при возвращении должнику денежных средств, внесенных в депозит, обязательство не считается исполненным, проценты, предусмотренные ст. 395 ГК РФ, подлежат начислению на сумму долга со дня возникновения просрочки, включая период нахождения денежных средств на депозите (п. 44).

Причин для научного анализа столь небесспорного законодательного решения о праве должника обернуть исполненное обязательство в другую сторону несколько. Одна из них – в «неожиданности» данного предписания, возникшего в проекте законодательных изменений «вдруг» на одном из последних чтений законопроекта. Вторая – в активном появлении сходных правовых институтов, обеспечивающих передачу имущества от одного лица к другому посредством чужих действий, свидетельствующих о «как бы исполнении» со стороны должника: номинальный счет, публичный депозитный счет, счет эскроу, договор условного депонирования (эскроу). Третья – в отсутствии видимого теоретического задела по проблеме, который сегодня ограничен весьма незначительным числом доктринальных публикаций [15; 16; 21].

Как отмечает Л. Ю. Михеева, сетуя на то, что вывод, сформулированный ею, является лишь единственно закономерным следствием из предпосылок, выявленных ранее, а не закрепленным в виде четкой формулы непосредствен-

но в законе, «любому лицу, изначально действовавшему в своем интересе (руководствовавшемуся желанием исполнить обязательство), не может быть отказано в праве впоследствии передумать» [18].

Как нам представляется, правильность / не-правильность состоявшегося законодательного решения надлежит оценивать с учетом двух моментов. Первый связан с подходом, которым руководствовался законодатель, – публичным или частным. Второй – с пониманием того, чьи интересы в большей мере отстаивает законодатель, формулируя правило о возможности истребовать должником исполненное.

Несмотря на то что гражданское право – это право частное, публично-правовой подход к созданию тех или иных норм не исключен. Наиболее характерными примерами публичного подхода в частном праве являются нормы о необходимости государственной регистрации перехода отдельных видов прав. Если предположить, что предпринят подход публичный, то в первую очередь всплывает небезызвестная римско-правовая сентенция о том, что договоры должны исполняться. В этом сегодня выгода как для самих контрагентов, так и для государства, заинтересованного в стабильности гражданского оборота, его предсказуемости. В таком случае не может быть иного решения законодателя, кроме того, которое допускает возврат исполненного в исключительных случаях только по соглашению с кредитором или по решению суда, сохраняя в качестве общего правило о бесповоротности исполнения обязательства. Соответственно, ни о каком законодательном поощрении ретроактивности должника по той причине, что кредитор не заявил об истребовании исполненного, речи идти не может.

Однако вдумчивый анализ содержания всей нормы, содержащейся в подразделе «Общие положения об обязательствах», включая возможность договорного согласования об исполнении обязательства через депозит нотариуса, свидетельствует о том, что законодатель все же руководствовался частноправовым подходом, защищая этой нормой интересы не кредитора и не гражданского оборота в целом, а в большей мере должника. Разъяснения, данные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 54, о том, что имущество, переданное в депозит, считается принадлежащим кредитору только с момента получения его кредитором, еще одно подтверждение тому. Несмотря на то, что по п. 2 ст. 327 ГК РФ обязательство в таком случае признается исполненным, правообладателем имущества, переданного в депозит, остается должник. А коль титул правообладателя оста-

ся за ним, то и право «обратной силы» также остается за должником. Пусть так. Но, принимая подобный законодательный подход, нельзя принять тот факт, что поворот исполнения по воле должника возможен всегда. Во-первых, сам должник по условиям соглашения о депозитном исполнении может отказаться от права истребовать исполненное. Во-вторых, могут возникнуть ситуации, когда необходимо защитить не только интересы самого должника, но и интересы его кредиторов. Например, в случае возбуждения против должника процесса несостоятельности.

К вопросу о выделении субсидиарных обязательств регулятивного свойства

Прагматичность и в то же время абстрактность норм обязательственного права, весьма востребованных в современном имущественном обороте, продолжает привлекать внимание доктрины также и с точки зрения их классификации в связи с выявлением их новых разновидностей. Так, в обновленных нормах, называющих виды гражданско-правовых обязательств, наряду с усовершенствованными правилами об альтернативных обязательствах, появились нормы об обязательствах факультативных (ст. 308.2 и ст. 320.1 ГК РФ), конструкция которых давно была известна доктрине и находила применение в судебной практике. В отличие от альтернативного обязательства, по которому должник обязан совершить одно из двух или более равноценных действий, в факультативном обязательстве предусмотрено одно действие по его исполнению (основное исполнение), но должнику предоставлено право заменить его другим исполнением, и если должник своим правом воспользуется, кредитор обязан принять это предложенное должником исполнение в качестве надлежащего исполнения факультативного обязательства.

Концепцией развития гражданского законодательства¹ в главу 21 ГК РФ также предлагалось включить нормы о натуральных обязательствах. Ее содержание должно было включать такие положения, как: а) натуральным признается обязательство, по которому требования кредитора не подлежат судебной защите; б) основания возникновения натуральных обязательств, а также условия и порядок отказа в судебной защите требований кредиторов по таким обязательствам определяются ГК и другими законами; в) в случаях, предусмотренных законом

¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступ. сл. А. Л. Маковского. М.: Статут, 2009. С. 101.

или договором, требованиям кредитора по натуральному обязательству может быть предоставлена судебная защита.

Такая разновидность обязательства признается доктриной за счет присутствия указания на натуральные обязательства как вид гражданско-правового обязательства и имеет применение в судебной практике. По сути именно в такое обязательство преобразуется всякое гражданско-правовое обязательство, по которому кредитором пропущен срок исковой давности для предъявления требования к должнику. Об этом свидетельствуют, в частности, действующие законоположения о том, что истечение срока исковой давности, о применении которого заявлено стороной в споре, является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске (п. 2 ст. 199 ГК РФ), а также о том, что должник, исполнивший обязанность по истечении срока давности, не вправе требовать исполненное обратно, хотя бы в момент исполнения он не знал об истечении давности (ст. 206 ГК РФ). Однако, в отличие от зарубежных законодательств, норма о натуральных обязательствах не получила своего закрепления в соответствующем подразделе ГК РФ.

Таким образом, текстуальный анализ гл. 21 ГК РФ в ее действующей редакции позволяет увидеть следующие «поименованные» законодателем виды гражданско-правовых обязательств: договорные, деликтные и обязательства из неосновательного обогащения; альтернативные и факкультативные обязательства. Все остальные поименованные обязательства, в зависимости от цели их возникновения, названы в специальных нормах ГК РФ о договорных обязательствах и обязательствах из односторонних действий.

В числе доктринальных пребывает сегодня такой вид обязательства, как обязательство субсидиарное. Их вычленение – итог понятийного анализа норм позитивного права, результатом которого стало появление теории регулятивных (неконфликтных) субсидиарных обязательств, потребность в возникновении которых возникает за пределами охранительного воздействия [20].

Как производное явление субсидиарная обязанность может возникнуть в виде дополнения к любому и всякому обязательству, если отсутствуют законодательные запреты. Так, субсидиарность не охранительного, а регулятивного свойства часто выручает в случае невозможности, нежелания исполнить обязательство основным должником.

По традиции нормативное выражение субсидиарности в гражданском праве (ст. 399 ГК РФ) связывается с охранительной природой.

Однако в науке все чаще поднимается вопрос о субсидиарных обязательствах регулятивного свойства. Основания для этого дают такие юридические конструкции, как: субсидиарные обязательства поручителей (ст. 363 ГК РФ); обязанности лиц, передавших обремененное рентой недвижимое имущество (п. 2 ст. 586 ГК РФ); обязанности учредителей доверительного управления имуществом (п. 3 ст. 1022 ГК РФ); обязанности пользователей по договорам коммерческой субконцессии (п. 4 ст. 1029 ГК РФ), обязанности правообладателей по договорам коммерческой концессии (ст. 1034 ГК РФ) и др. В итоге анализ современного законодательства позволяет отнести к разряду субсидиарных значительное число обязательственных отношений, основанных на договоре. Это приводит к тому, что логические параметры понятий «субсидиарное обязательство» и «субсидиарная ответственность», прежде аналогичных, перестают совпадать. Пока в науке не сформировано каких-либо однозначных научных суждений, которые бы обеспечили бесспорное теоретическое «отпочкование» субсидиарных обязательств от вопросов юридической ответственности по долгам и обязательствам.

Для целей академического подхода к вопросу надлежит разобраться в том, существуют ли на самом деле такие отношения, которые бы нуждались в таком правовом понятии, как регулятивные субсидиарные обязательства, т. е. обязательства, возникающие в силу закона или договора вне связи с гражданским правонарушением.

Как представляется, на сегодняшний день более корректно говорить не о регулятивном субсидиарном обязательстве как самостоятельном виде, а изначально о субсидиарности в целом. Тем более, что на уровне феноменологии достигнута достаточная ясность в понимании самого термина и его смысла. Однако этого недостаточно. Часть вопросов, необходимых для построения полноценной теории регулятивных субсидиарных обязательств, также нуждаются в научном внимании. В их числе недостаток правил о субсидиарности на уровне закона, перечень исключаящих случаев недопущения партнерской субсидиарности. Разрешение этих вопросов позволит подойти последовательно к поднятой проблеме.

Критериообразующим фактором может служить не столько то или иное обязательство, сколько специфическая обязанность должника, носящая в основе своей субсидиарный характер и которая во всех ситуациях без исключения носит производный характер от обязанности другого должника. В какой правовой форме происходит реализация этой субсидиарной обя-

занности, не столь важно. Важнее сформулировать юридические признаки субсидиарной обязанности и требования к носителю такой обязанности. Тогда появится четкий юридико-технический критерий, который без нарушения формулы обязательства «как поведения двух лиц» позволит сконцентрировать научное внимание на правовых основаниях привлечения субсидиарного должника в обязательство, а также на тех исключениях, которые позволят увидеть, кто и при каких условиях не вправе быть субсидиарным должником. Эта теория может оказаться тем вспомогательным механизмом, который будет обслуживать как договорные, так и внедоговорные обязательства.

Весьма интересные доктринальные, а впоследствии и законодательные находки, могут быть обнаружены в вопросе о групповом юридическом «портрете» субсидиарного должника, включая определенность о том, кто не может выступать на стороне субсидиарного должника.

Вряд ли следует отрицать тот факт, что регулятивные субсидиарные обязательства фактически существуют. Однако сегодня их можно считать лишь социальным фактом и, как представляется, пока не спешить сдвинуть законодателя с той классической, но оправданно консервативной точки зрения, которая издавна используется им при систематизации уже известных обязательств. А пока же важнее сформулировать типические черты субсидиарного должника и тех субсидиарных обязанностей, которые он несет.

Исполнение обязательства третьим лицом

Известно, что римляне называли обязательство «юридическими оковами», а в русском языке оно произошло от слова «обязь». В отличие от римлян современный законодатель точно определяет, кто и кого, на каких условиях «обязывает», поскольку сегодня обязательство существует в рамках правоотношения.

На то, что обязательство – это именно правоотношение, указывал основоположник российской цивилистики Д. И. Мейер, одним из первых предложивший доктринальное определение обязательства [17, с. 123]. Научные последователи Д. И. Мейера, не отрываясь от римских представлений о обязательствах, приложили немало усилий, формулируя признаки обязательственного правоотношения. В итоге наука смогла отшлифовать тот главный признак, который позволяет отличить обязательство от всех иных видов имущественных отношений, образующих предмет гражданско-правового регулирования – характер межсубъектной связи лиц в обязательстве. Этими лицами в обязательстве

могут быть только кредитор и должник. Появление с развитием имущественного оборота многообразия таких конструкций, как представительство, цессия и делегация, возложение исполнения на другое лицо, выгодоприобретатель, различные виды посредничества не поколебали характера межсубъектной связи в обязательстве. Ее элементарную основу как ранее, так и сейчас образует юридическая зависимость двух лиц – должника и кредитора, между которыми стоит связывающее их действие. Аналогичный подход применительно к договорам о недопустимости вмешательства в договорные отношения принят и в странах общего права [31].

В силу относительности обязательственного правоотношения в нем могут участвовать лишь две этих стороны. Однако нельзя исключить, что содержание, сущность и условия осуществления их обязательственных прав и обязанностей могут быть поставлены в зависимость от действий иных (других) лиц, именуемых третьими.

Обязательственная лексика по поводу третьих лиц выглядит сегодня достаточно пестро. Их называют иным лицом в обязательстве; дополнительным субъектом обязательства; лицом, которое связано обязательственной нитью. Все эти определения нельзя считать юридически точными. Свидетельством того является эволюция взглядов на обязательство и его субъектов, связанная не с увеличением субъектов в обязательстве, а с его усложнением за счет увеличения числа лиц на стороне кредитора и (или) должника.

Как отмечено в литературе, основанием для разграничения сторон обязательства и третьих лиц является их принадлежность к отношению, принятому за исходное [23]. Третье лицо – это лицо за пределами двух лиц и их отношений, отсюда оно и третье. Обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (третьих лиц). Так закреплено в п. 3 ст. 308 ГК РФ, который вполне мог бы служить основой для точной координации законодательных понятий «обязательство» и «другие лица». Но не служит. Как справедливо отмечено в литературе, «такое определение третьих лиц для цели обязательственного права не привносит ясности в разграничение таких понятий, как “третье лицо”, “другое лицо”, “неопределенный круг лиц”» [27, с. 208].

Анализ монографической литературы последнего десятилетия показывает, что полной доктринальной ясности по понятию «третье лицо», широко используемому при конструировании понятий, связанных как с абсолютными, так и относительными отношениями, нет. Обычно

авторы прибегают к классификации ситуаций, в которых присутствует фигура третьего лица, а также стремятся ограничить институт третьих лиц от смежных институтов. Нельзя не согласиться с тем, что рассматривать то или иное явление вне его места в системе сопоставимых явлений – неэффективное занятие. Однако оно столь же неэффективно, если не опираться на устойчивые теоретико-методологические подходы, которые бы предписывали не только точность терминологического словоупотребления при расширении ординарной схемы обязательства и точное разграничение нескольких форм отношения третьего лица к обязательству, но и давали бы необходимые ориентиры законодателю и практике правоприменения. Пока такие ориентиры практика находит самостоятельно. Как указал Верховный Суд РФ в определении от 16 июня 2016 г. № 302-ЭС16-2049 по делу № А33-20480/20149, положения ст. 313 ГК РФ направлены в том числе на расширение механизмов получения кредитором причитающегося ему по обязательству исполнения, т. е., по сути, на защиту его прав. Уже поэтому указанной норме не может быть дано такое толкование, в результате которого допускалось бы ущемление интересов самого кредитора против его воли.

Как установлено п. 1 ст. 313 ГК РФ, кредитор обязан принять исполнение, предложенное за должника третьим лицом, если исполнение обязательства возложено должником на указанное третье лицо. Как видно, законодатель не смог отказаться от прежних взглядов, сохранив условие о наличии факта «возложения должником на третье лицо». Что имеет в виду законодатель под возложением при не личном исполнении обязательства должником? Обычно применительно к возложению речь идет об акте договорной природы между должником и третьим лицом. Это подтверждает постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ об обязательствах и их исполнении», указывая, что «если исполнение обязательства было возложено должником на третье лицо, то последствия такого исполнения в отношениях между третьим лицом и должником регулируются соглашением между ними» (п. 21). В наличии такого акта кредитор, принимающий исполнение от третьего лица, обязан удостовериться, а потому, как бы там ни было, закрепление в норме условия о возложении обязывает кредитора задаваться вопросом о том, было ли возложение на самом деле. Не убедившись в этом, кредитор не вправе принять и исполненное, а в случае принятия исполненного без доказательств возложения будет неоснова-

тельно обогатившимся. Последствия и для кредитора и для должника, а также и для третьего лица – исполнителя оказываются весьма сложными. Кредитор не получает желаемого исполнения, сохраняет право требования и имеет право на привлечение должника к гражданско-правовой ответственности. Должник сохраняет бремя своего долга, поскольку продолжает оставаться обязанным и несет риск наступления ответственности, а третье лицо несет расходы по обеспечению сохранности неприятого имущества, его транспортировке и т. д.

Известно, что изначально редакция данной нормы мыслилась иной. Законодатель намеревался исходить из идеи о том, что третье лицо является для обязательства кредитора и должника посторонним лицом, не связанным этим обязательством. Факт же исполнения не самим должником, а третьим лицом всего лишь означает, что должник «отдал» исполнение третьему лицу, основываясь на каких-то отдельных от данного обязательства юридических основаниях их отношений между собой. Как указано в Концепции развития гражданского законодательства, правила об исполнении обязательства третьим лицом должны ограничиваться регулированием только взаимоотношений между третьим лицом и кредитором в вопросе принятия или отказа от принятия исполнения. Вопрос же о возложении исполнения обязательства на третье лицо относится к сфере взаимоотношений между третьим лицом и должником и не затрагивает интересов кредитора. А потому положения о возложении должником исполнения обязательства на третье лицо следует исключить из пункта 1 статьи 313. Не случилось. При существующей же редакции неизбежно встает вопрос: какие риски в условиях провозглашенной и реально реализуемой свободы договора, закрепленных презумпций добросовестности и разумности участников гражданского правоотношения, стремится исключить законодатель, включая в качестве обязательного условия условие о возложении? О чьих рисках в итоге – должника или кредитора заботится законодатель, и какие девиации он желает исключить?

Немаловажно и другое обстоятельство. Третье лицо, исполняя обязательство за должника, вправе рассчитывать на те правовые возможности, которые есть и у должника. Одна из них – возможность исполнения обязательства через депозит нотариуса или суда при наличии условий, заключенных в правило ст. 327 ГК РФ. В этом контексте вполне правомерно встает вопрос о том, как быть кредитору, если он принимает исполнение от третьего лица через депозит нотариуса или суда, что впервые предусмотрено

п. 4 ст. 313 ГК РФ. В этом случае «проверка» факта возложения становится еще более проблематичной для кредитора.

Законом предусмотрено всего два случая, когда перед возложением приоритет имеет законный интерес самого третьего лица, а потому это лицо вправе исполнить обязательство за должника по собственной инициативе. В п. 2 ст. 313 ГК РФ эти случаи представлены в качестве исключений из общего правила: когда должником допущена просрочка исполнения денежного обязательства и когда третье лицо подвергается опасности утратить свое право на имущество должника вследствие обращения взыскания на это имущество. Смысл этой нормы и однозначность ее предписания подтвердил Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 22 ноября 2016 г. № 4 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении». Согласно п. 2, кредитор по денежному обязательству не обязан проверять наличие возложения, на основании которого третье лицо исполняет обязательство за должника, и вправе принять исполнение при отсутствии такого возложения.

Несколько иной и, как представляется, более продуманный вариант данного пункта сохранился в Концепции развития гражданского законодательства. Наряду с третьим лицом, подвергающимся опасности утратить свое право на имущество должника, правом удовлетворить требование кредитора без согласия должника наделялось также третье лицо, имеющее законный интерес в исполнении должником денежного обязательства, связанного с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности. В обоих случаях к третьему лицу, исполнившему обязательство должника, переходят права кредитора по обязательству в порядке, установленном ст. 382–387 ГК РФ.

В текущем нормативном варианте, значительно отличающемся от варианта, сформулированного в Концепции развития гражданского законодательства, возникает вопрос: какие должны быть ситуации, при возникновении которых третье лицо по своей инициативе вправе исполнить чужое обязательство? В первом случае допущения просрочки исполнения денежного обязательства все предпологаемо. Это могут быть любые реально существующие основания, законные и действительные. Второй случай выглядит более загадочно. Причина загадочности в том, что на самом деле речь в норме идет о ситуациях, когда имущество, принадлежащее третьему лицу, находится в обладании должника и есть опасность не столько утраты права на

него, сколько существенного снижения стоимости этого имущества. От утраты права на это имущество третье лицо защищают нормы права, на основании которых имущество от него поступило в обладание должника (договор аренды, залог и др.).

Благодаря п. 3 ст. 313 ГК РФ некое расширение получило регулирование отношений с учетом так называемого личностного элемента в обязательстве. В данном пункте речь идет не об обязательствах, неразрывно связанных с личностью кредитора (о них упоминается в ст. 383 ГК РФ), а о личном характере исполнения, исключающего всякое усложнение обязательства за счет привлечения к его исполнению третьего лица. Вопрос в достаточной мере актуальный, если учесть факт наполнения рынка многочисленными товарами, работами, услугами, немалая часть которых часто не отвечает запросам предпринимателей-контрагентов и физических лиц-потребителей. Нередко кредитор вступает в обязательство, ориентируясь на то, что благо, которое ему необходимо для удовлетворения собственных потребностей, будет создано определенным лицом. Как следует из текста п. 3 ст. 313 ГК РФ, основаниями для требования личного исполнения обязательства три: закон и иные правовые акты; условия обязательства; существо обязательства. Из абз. 2 п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 54 следует, что «если из закона, иных правовых актов, условий обязательства или его существа вытекает обязанность должника исполнить обязательство лично, то даже при наличии одного случаев, перечисленных в п. 1 и 2 ст. 313 ГК РФ, кредитор не обязан принимать исполнение, предложенное за должника третьим лицом».

Норма п. 3 ст. 313 ГК РФ сформулирована диспозитивно, оставляя на усмотрение кредитора принять или нет исполненное, если оно все-таки оказалось не лично от должника. Однако в связи с тем, что данная норма ограждает кредиторский интерес от усложнения его обязательственных отношений с должником, желательна была бы такая формулировка нормы, которая содержит прямой законодательный запрет для должника на передачу исполнения, перенося все риски такой передачи на самого должника.

Заключение

Позиционируя гражданско-правовое обязательство как одну из разновидностей относительного правоотношения и отделяя его от других видов относительных отношений – корпоративных и реституционных, автор пришел к следующим выводам.

Масштабное внимание дореволюционной, советской и постсоветской цивилистики к подотрасли обязательственного права и его институтам, тем не менее, не пробудило у его исследователей научного внимания к проблеме построения и систематизации общих положений обязательственного права. В этом одна из причин того положения, что настоящее познание этих положений как разновидности обобщающих положений как таковых, а не просто правил, относящихся «ко всем обязательствам», только начинается.

Наиболее удачным примером их набора, формулировки и попытки взаимосогласованности с другими нормами внутри подотрасли оказался ГК РСФСР 1964 г. Этот шаблон без какого-либо видоизменения введен в ГК РФ 1994 г. Вряд ли такой шаблонный подход можно считать эволюционным. Ответа на этот вопрос в науке нет, так как доктрина практически не задается этим вопросом.

Правила и конструкции, относящиеся к Общим положениям обязательственного права, несмотря на их точность и максимальную универсальность, однако, не имеют приоритета перед специальными нормами об обязательствах. Итоговый вывод об общем или специальном характере нормы основывается на том закономерном следствии, которое возможно вывести не только из характера нормы, но и места расположения норм.

Понимание соотношения норм общих и норм специальных не способно абсолютно уберечь от потенциальных субординационных коллизий при применении норм обязательственного права. Поэтому потенциально возможны три вида конкуренции гражданско-правовых норм, регулирующих обязательственные отношения: между общими нормами; конкуренция между общей и специальной нормами; между специальными нормами. Над этими видами возможных противоречий общих и специальных норм цивилистике надлежит задуматься как и над разграничением понятий противоречия норм и коллизия норм.

Терминологические погрешности в той или иной мере сопровождают любую законодательную область. Вопросы терминологического свойства применительно к подотрасли обязательственного права в науке гражданского права практически не поднимаются. Несмотря на то, что проблема терминологии в подотрасли обязательственного права остро не стоит, она, тем не менее, существует. Например, источник притока новых научных понятий. Одним из них является процесс вовлечения иностранной терминологии. Но он должен быть управляемым и,

по возможности, регулируемым. Отсутствие же самостоятельного научного внимания к вопросам производства новых гражданско-правовых понятий и терминов, их отражающих, опасно созданием ситуации дефицита юридических понятий и появления необоснованных синонимов.

Обратившись к проблеме использования термина «обязательство» в бюджетном законодательстве и финансово-правовой науке, автор приходит к выводу о том, что сущностным понятием для гражданского права является не само понятие «обязательство», а «гражданско-правовое обязательство». Без прилагательного «гражданско-правовое» обязательство утрачивает свое сугубо специфическое отраслевое значение, становясь больше общеупотребительным словом, нежели специальным термином. В финансово-правовой науке используется другой термин – «налоговое (финансовое, бюджетное) обязательство». Используя данный термин, представители финансово-правовой науки употребляют его в конкретном узкоспециальном значении.

Такой способ исполнения обязательства, как депозит нотариуса или суда, постепенно утрачивает свое вспомогательное значение. Об этом свидетельствует право сторон установить данный способ исполнения на основании соглашения. Спорным является законодательное решение о праве должника отозвать из депозита нотариуса или суда исполнение, если кредитор не заявил требование о передаче ему исполненного. Как представляется, право должника, который остается правообладателем имущества, переданного в депозит, до момента его истребования кредитором должно быть ограничено перечнем случаев, когда это сделать невозможно. Одним из таких случаев является возбуждение против должника процесса несостоятельности.

Библиографический список

1. *Баринов А. С.* Институт налоговых обязательств в налоговом праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 217 с.
2. *Белов В. А.* Гражданское право. Т. IV: Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2015. Сер.: Бакалавр и магистр. Академ. курс. 1085 с.
3. *Большой энциклопедический словарь «Языкознание»* / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. 686 с.
4. *Василевская Л. Ю.* Институты иностранного права в гражданском кодексе Российской Федерации: новое регулирование – новые проблемы // Судья. 2016. № 10 [Электрон-

- ный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. Ващенко Ю. С. Иноязычная юридическая лексика в законодательных текстах: история появления, современные тенденции и пути развития // Государство и право. 2018. № 1. С. 53–64.
  6. Ващенко Ю. С., Якушина Л. Н. Словарь иноязычных терминов гражданского права. Тольятти: ВУиТ, 2005. 81 с.
  7. Винавер М. М. Из области цивилистики. Недавнее (воспоминания и характеристики) / сост. и авт. вступит. ст. А. Л. Маковский. М.: Статут, 2015. 384 с.
  8. Голубцов В. Г. Обеспечительный платеж в системе способов обеспечения гражданско-правовых обязательств // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 29. С. 47–52.
  9. Голубцов В. Г. Система способов прекращения гражданско-правовых обязательств: итоги реформирования / Частное право. Преодолевая испытания: К 60-летию Б. М. Гонгалло. М.: Статут, 2016. С. 144–159.
  10. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательного права» / под ред. Л. В. Санниковой. М.: Статут, 2016. 662 с.
  11. Еременко А. С. Конкуренция норм гражданского права в механизме юридической квалификации гражданских отношений // Вестник Удмуртского университета. 2011. № 3. С. 109–114.
  12. Запольский С. В. Понятие и правовая природа финансовых обязательств // Проблемы совершенствования советского законодательства. М.: ВНИИСЗ, 1986. С. 29–43.
  13. Иванова Т. Н., Монченко О. В. Французский астрент на российский манер: применение и правовое регулирование судебной неустойки в свете нового постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 7 от 23 марта 2016 г. «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта» // Вестник арбитражной практики. 2016. № 2(63). С. 3–14.
  14. Иоффе О. С., Толстой Ю. К. Новый гражданский кодекс РСФСР // Правоведение. 1964. № 3. С. 3–21.
  15. Комиссарова Е. Г. Проблема оборота исполнения обязательств путем внесения долга в депозит нотариуса // Сборник научных трудов, посвященный XX-летию Российской Конституции. М.: Статут, 2014. С. 67–74.
  16. Комиссарова Е. Г. Настоящее и будущее нотариального депозита // Нотариальный вестник. 2013. № 3. С. 15–24.
  17. Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. По исправленному и дополненному 8-е изд., 1902. М.: Статут, 1997. Ч. 2. С. 106–156. (Классика российской цивилистики).
  18. Михеева Л. Ю. О судьбе исполненного путем внесения долга в депозит: предложения к проекту модернизации ГК РФ // Вестник экономического правосудия. 2015. № 1. С. 12–18.
  19. Мозолин В. П. Развитие гражданского законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2005. № 7. С. 33–45.
  20. Насиров Х. Т. Содержание субсидиарных обязательств // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 1. С. 149–156.
  21. Рассказова Н. Ю. Исполнение обязательства путем внесения долга в депозит нотариуса // Практика применения общих положений об обязательствах: сб. ст. «Анализ современного права». М.: Статут, 2011. С. 109–132.
  22. Рыженкова Т. В. Специфика процесса транслерминологизации в отраслевой терминосистеме: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 22 с.
  23. Сулейменов М. К. Третьи лица в гражданском праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 123–128.
  24. Суханов Е. А. Осторожно: гражданско-правовые конструкции! // Законодательство. 2003. № 9. С. 60–65.
  25. Туранин В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Белгород, 2017. 437 с.
  26. Финансовое право: учебник. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. С. В. Запольский. М.: КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2011. 792 с.
  27. Чурилов Ю. А. Третьи лица в обязательственном праве Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 206–211.
  28. Шаукенов А. Т. Прологомены к теории налоговых обязательств (на примере казахстанского законодательства) // Правоведение. 2006. № 4. С. 209–222.
  29. Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России / науч. ред. Ем В. С. М.: Статут, 2003. 250 с.
  30. Brox H., Walker W.D. Allgemeines Schuldrecht. 31. Aufl. Munchen, 2006. 477 s.
  31. Elliott C., Quinn F. Contract Law. Pearson Education Limited, 2011. 270 p.

32. Ferrari F., Bocharova N. The astreinte in the Italian and Russian Administrative (Judicial) and Civil Proceedings // Russian Law Journal. 2015. № 3. Pp. 9–45.
33. Huber U. Leistungsstörungen Bd. I. Tubingen, 1999. 733 s.
34. Schlechtriem P., Schmidt-Kessel M. Schuldrecht. Allgemeiner Teil. 6. Aufl. Mohr Siebeck, 2005. 431 s.

References

1. Barinov A. S. *Institut nalogovykh obyazatel'stv v nalogovom prave Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. jurid. nauk* [Institution of Tax Obligations in the Tax Law of the Russian Federation: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2017. 217 p. (In Russ.).
2. Belov V. A. *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. Vol. IV. *Osobennaya chast'. Otnositel'nye grazhdansko-pravovye formy: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury. Seriya: Bakalavr i magistr. Akademicheskij kurs* [Special Part. Relative Civil Law Forms: Textbook for Bachelor's and Master's Students. Series: Bachelor and Master. Academic Course]. Moscow, 2015. 1085 p. (In Russ.).
3. *Bol'shoy enciklopedicheskiy slovar' "Jazykoznanie"*; gl. red. V. N. Jarceva [Big Encyclopedic Dictionary of Linguistics; ed. by V. N. Jarceva]. Moscow, 1998. 686 p. (In Russ.).
4. Vasilevskaya L. Ju. *Instituty inostrannogo prava v grazhdanskom kodekse Rossiyskoy Federatsii: novoe regulirovanie – novye problemy* [Foreign Law Institutions in the Civil Code of the Russian Federation: New Regulation – New Problems]. *Sud'ya – Judge*. 2016. Issue 10. Access from the legal-reference system "Garant". (In Russ.).
5. Vashchenko Ju. S., Jakushina L. N. *Slovar' inozazychnykh terminov grazhdanskogo prava* [Dictionary of Foreign-Language Terms of Civil Law]. Togliatti, 2005. 81 p. (In Russ.).
6. Vashchenko Ju. S. *Inozazychnaya juridicheskaya leksika v zakonodatel'nykh tekstakh: istoriya pojavleniya, sovremennye tendencii i puti razvitiya* [Foreign-Language Legal Terms in Legislative Texts: the Story of the Emergence, Current Trends and Ways of Development]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2018. Issue 1. Pp. 53–64. (In Russ.).
7. Vinaver M. M. *Iz oblasti tsivilistiki. Nedavnee (vospominaniya i kharakteristiki)*; sost. i avt. vstupit. st. A. L. Makovskij [From the Field of Civil Law. Recent Past (Memoirs and Characteristics)]; ed. by A. L. Makovskij]. Moscow, 2015. 384 p. (In Russ.).
8. Golubtsov V. G. *Obespechitel'nyy platezh v sisteme sposobov obespecheniya grazhdansko-pravovykh obyazatel'stv* [Security Payment in the System of Ways to Provide Civil Obligations]. *Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve – Legality and Law Order in Modern Society*. 2016. Issue 29. Pp. 47–52 (In Russ.).
9. Golubtsov V. G. *Sistema sposobov prekrashcheniya grazhdansko-pravovykh obyazatel'stv: itogi reformirovaniya* [System of Ways to Terminate Civil Obligations: Results of Reforming]. *Chastnoe pravo. Preodolevaya ispytaniya: K 60-letiyu B. M. Gongalo* [Private Law. Coping with Challenges: to the 60th Birthday of B. M. Gongalo]. Moscow, 2016. Pp. 144–159. (In Russ.).
10. *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Postateynny kommentariy k razdelu III "Obshchaya chast' obyazatel'nogo prava"*; pod red. L. V. Sannikovoy [Civil Code of the Russian Federation. The Itemized Comment to the Section III "General Part of the Law of Obligations"; ed. by L. V. Sannikova]. Moscow, 2016. 662 p.
11. Eremenko A. S. *Konkurentsiya norm grazhdanskogo prava v mekhanizme juridicheskoy kvalifikatsii grazhdanskikh otnosheniy* [The Competition of Civil Standards in the Mechanism of Theory of Civil Relationships]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i Pravo – Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 2011. Issue 3. Pp. 109–114. (In Russ.).
12. Zapol'skij S. V. *Ponyatie i pravovaya priroda finansovykh obyazatel'stv* [Concept and Legal Nature of Financial Obligations]. *Problemy sovershenstvovaniya sovetского zakonodatel'stva* [Problems of Improvement of Soviet Legislation]. Moscow, 1986. Pp. 29–43. (In Russ.).
13. Ivanova T. N., Monchenko O. V. *Frantsuzskiy astrent na rossiyskiy maner: primeneniye i pravovoe regulirovanie sudebnoy neustoyki v svete novogo postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii № 7 ot 23.03.2016 "O nekotorykh voprosakh prisuzhdeniya vzyaskatelju denezhnykh sredstv za neispolneniye sudebnogo akta"* [French Astrent the Russian Style: The Use and Regulation of the Judicial Penalty in the Light of the New Resolution of the Plenum of the Supreme Court on 03/23/16 No. 7 "On some Issues of Awarding Funds to the Claimant for Non-Enforcement of the Act"]. *Vestnik arbitrazhnoy praktiki – Vestnik Arbitrazhnoy Praktiki*. 2016. Issue 2(63). Pp. 3–14. (In Russ.).

14. Ioffe O. S., Tolstoj Ju. K. *Novyy grazhdanskiy kodeks RSFSR* [New Civil Code of the RSFSR]. *Pravovedenie – Pravovedenie*. 1964. Issue 3. Pp. 3–21. (In Russ.).
15. Komissarova E. G. *Problema oborota ispolneniya obyazatel'stv putem vneseniya dolga v depozit notariusa*. *Sb. nauchnykh trudov, posvyashchenny XX-letiyu Rossiyskoy Konstitutsii* [Problem of the Turn of Performance of Obligations by Depositing a Debt into the Notary's Deposit. Collection of Scientific Papers Dedicated to the 20th Anniversary of the Russian Constitution]. Moscow, 2014. Pp. 67–74. (In Russ.).
16. Komissarova E. G. *Nastoyashchee i budushchee notarial'nogo depozita* [Present and Future of Notarial Deposit]. *Notarial'nyy vestnik – Notary Bulletin*. 2013. Issue 3. Pp. 15–24. (In Russ.).
17. Mejer D. I. *Russkoe grazhdanskoe pravo v 2-kh ch.* [Russian Civil Law in 2 parts]. Part 2. Moscow, 1997. Pp. 106–156. (In Russ.).
18. Mikheeva L. Ju. *O sud'be ispolnennogo putem vneseniya dolga v depozit: predlozheniya k projektu modernizatsii GK RF* [On the Obligation Performed by the Consignation of Debt: Proposals for the Project of Modernization of the Civil Code of the Russian Federation]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya – Herald of Economic Justice*. 2015. Issue 1. Pp. 12–18. (In Russ.).
19. Mozolin V. P. *Razvitie grazhdanskogo zakonodatel'stva na sovremennom etape* [Development of Civil Law Nowadays]. *Zhurnal Rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 2005. Issue 7. Pp. 33–45. (In Russ.).
20. Nasirov Kh. T. *Soderzhanie subsidiarnykh obyazatel'stv* [Substance of Subsidiary Obligations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2012. Issue 1. Pp. 149–156. (In Russ.).
21. Rasskazova N. Ju. *Ispolnenie obyazatel'stva putem vneseniya dolga v depozit notariusa* [Performance of the Obligation by Depositing a Debt into the Notary's Deposit]. *Praktika primeneniya obshchikh polozheniy ob obyazatel'stvakh: Sb. statey. Seriya "Analiz sovremennogo prava"* [Practice of Applying General Provisions on Obligations: Collection of Articles. Series "Analysis of Modern Law"]. Moscow, 2011. Pp. 109–132. (In Russ.).
22. Ryzhenkova T. V. *Spetsifika protsessa transterminologizatsii v otraslevoy terminosisteme: avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk* [Specific Features of the Process of Transterminologization in a Branch System of Terminology: Synopsis of Cand. philol. sci. diss.]. Volgograd, 2001. 22 p. (In Russ.).
23. Sulejmenov M. K. *Tret'i litsa v grazhdanskom prave* [Third Parties in Civil Law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*. 1978. Issue 3. Pp. 123–128. (In Russ.).
24. Sukhanov E. A. *Ostorozhno: grazhdansko-pravovye konstruksii!* [Mind out: Civil Law Constructions!]. *Zakonodatel'stvo – Legislation*. 2003. Issue 9. Pp. 60–65. (In Russ.).
25. Turanin V. Ju. *Yuridicheskaya terminologiya v sovremennom rossiyskom zakonodatel'stve: teoretiko-pravovoe issledovanie: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal Language in the Modern Russian Legislation: Theoretical and Practical Research: Dr. jurid. sci. diss.]. Belgorod, 2017. 437 p. (In Russ.).
26. *Finansovoe pravo: Uchebnik; otv. red. S. V. Zapol'skij* [Financial Law: Textbook; ed. by S. V. Zapol'skij]. Moscow, 2011. 792 p. (In Russ.).
27. Churilov Ju. A. *Tret'i litsa v obyazatel'stvennom prave Rossiyskoy Federatsii* [Third Parties in the Russian Federation Law of Obligations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 2017. Issue 415. Pp. 206–211. (In Russ.).
28. Shaukenov A. T. *Prolegomeny k teorii nalogovykh obyazatel'stv (na primere kazakhstanskogo zakonodatel'stva)* [Prolegomena to the Theory of Tax Liabilities (by the Example of Kazakhstan Legislation)]. *Pravovedenie – Pravovedenie*. 2006. Issue 4. Pp. 209–222. (In Russ.).
29. Shershenevich G. F. *Nauka grazhdanskogo prava v Rossii; nauch. red. V. S. Em* [Science of Civil Law In Russia; ed. by V. S. Em]. Moscow, 2003. 250 p. (In Russ.).
30. Brox H., Walker W. D. *Allgemeines Schuldrecht*. 31st ed. Munich, 2006. 477 p. (In Germ.).
31. Elliott C., Quinn F. *Contract Law*. Pearson Education Limited, 2011. 270 p. (In Eng.).
32. Ferrari F., Bocharova N. *The Astreinte in the Italian and Russian Administrative (Judicial) and Civil Proceedings*. *Russian Law Journal*. 2015. Issue 3. Pp. 9–45. (In Eng.).
33. Huber U. *Leistungsstörungen*. Vol. I. Tübingen, 1999. 773 p. (In Germ.).
34. Schlechtriem P., Schmidt-Kessel M. *Schuldrecht. Allgemeiner Teil*. 6th ed. Mohr Siebeck, 2005. 431 p. (In Germ.).